

Часть 2. Она

Глава 1

За мутным, запотевшим окном проносились пятна деревьев, размытые городки и акварельные кляксы редких машин. Близилось Рождество, и в вагоне было людно. Теплое дыхание пассажиров скапливалось конденсатом на холодном стекле. Оно собиралось маленькими каплями, которые то и дело стекали вниз, образуя на герметичной резине рамы внушительную лужу. Рене отвернулась. Поезд ритмично покачивало, когда под колёса попадались расшатанные рельсы. Бездумно следить за бесцветным пейзажем оказалось настолько же тошно, как разглядывать сидящего напротив мужчину, ребёнка слева от него или женщину в забавной шапке. В их глазах, да и просто повсюду царило радостное оживление. Конечно, ведь завтра Сочельник! Вот только Рене не находила в себе сил улыбнуться доносящейся откуда-то сзади забавной истории. Над ней хохотал почти весь вагон, а она... она никак не могла оставить позади Монреаль, парковку и странное ощущение холода.

Рене зябко поёжилась и плотнее запахнула зимнюю куртку. Наверное, во всём виновата усталость.

Она скопилась грязным сугробом и теперь таяла от вынужденного трёхчасового безделья, пока поезд мчался в предрождественскую столицу Квебека. Конечно, если не спать несколько суток, то будет не только холодно, но и удивительно паскудно на душе. Снова повернув голову к окну, Рене уставилась на мелькавшие за ним невнятные белые пятна. Она боялась закрыть глаза, хотя под ровный стук нестерпимо клонило в сон. Не выдержав, Рене на секунду сдалась, но мозгу хватило и этого...

Снег падал медленно и очень красиво. Толстыми белыми хлопьями ложился на капот спящей машины, пока Рене судорожно ловила осколки немолимо разваливающегося мира. Рука ещё помнила тепло чужой ладони, ещё оставались влажными от поцелуев губы, а сердце восторженно пело, ни о чём не догадываясь. Как выяснилось, падать удивительно больно. Слишком высок был полёт и слишком крут обрыв. Выросшие за три месяца крылья треснули и, не выдержав, обломились. Унести такую ношу им оказалось уже не по силам.

— Рене, поехали. Уже поздно.

Голос Энтони отозвался радостным перезвоном в груди, где в следующий миг рассыпался потухшими искрами. словно бенгальский огонь — ярко, красочно, но в конце лишь обгоревший остов. Именно так чувствовала себя Рене, когда сумела разлепить деревянные губы и негромко проговорить:

— Как тебе осень в Квебеке?

Она сама не знала, зачем спросила. Чтобы Лане понял? Или чтобы окончательно убедить себя? Но Тони непонимающе нахмурился.

— И солнце взойдёт. Возрождение —

— *Что? Садись. По дороге поговорим.*

Но Рене не шелохнулась. Зато до боли стиснула кулаки и слегка опустила голову, опасаясь, что Энтони заметит, как у неё дрожат губы.

— *Этот август в Квебеке выдался удивительно солнечным. — На последнем слове голос дрогнул, и дальше она зашептала: — Впрочем, тебе и так это известно. Верно? Ты же был там в один из дней.*

— *О чём ты?*

Теперь уже раздражённый Энтони хлопнул дверцей машины и бросил взгляд на светившуюся в темноте больницу. Наверняка он подумал, будто Рене бредит или окончательно свихнулась от безумного графика. Однако стоило ему шагнуть вперёд, как она отступила.

— *Да что происходит?*

В нём клокотала досада на неуместные сейчас игры в шарады, но Энтони терпеливо ждал ответа. Только вот когда по заснеженной парковке разнёсся тоненький голосок, он покачал головой и улыбнулся так горько, что Рене захотелось себя придушить.

— *Гром. Почувствуй гром... помнишь?*

Пауза. А потом выдох:

— *Да.*

Значит, он знал. И не просто слышал, кто такая Рене Роше, а видел лично в тот злополучный день. Последний осколок надежды обознаться вонзился в недоумённо дрогнувшее сердце. Оно пока не понимало, но совсем скоро ему предстояло утонуть под лавиной отчаяния, которая уже накрыла разум.

— *Как долго ты планировал меня обманывать? Сколько времени отвёл, прежде чем добить?*

— *Я не собирался делать тебе больно...*

— Нет? — перебила она и рассмеялась. — Нет... конечно же, нет. Ты просто сам одна сплошная боль.

— Рене, послушай. Ты меня не узнала. Ни когда стояла со своим дурацким цветком, ни на следующий день. И я подумал, что говорить нет смысла. А потом стало поздно и не нашлось повода.

— Неужели? — Рене стиснула рукава куртки. — Три месяца. Три месяца, Тони, я выживала в твоей ненависти, дорожила внезапной дружбой и пыталась поверить в удивительное счастье. И за всё это время не выдалось и минутки, чтобы поговорить? Просто сказать: «Я видел, как ты оперируешь. Мне не понравилось»? Но нет. Вместо этого ты сознательно унижал меня, зная, что я ничего не смогу тебе доказать. Почему?

На последнем слове она всхлипнула и отвернулась. Рене не понимала эмоции, которые испытывала. Подавленность, обиду, отдающее горечью разочарование? Да. Совершенно неоспоримо. А ещё тоску, любовь и сожаление. Жаль, что их история получилась именно такой. Вряд ли в том была вина одного Энтони, просто обстоятельства сложились немного неправильно.

— Рене, что меняет этот факт? Да, я присутствовал в Квебеке на твоей операции. Видел, как ты работаешь, но ничего не сказал тебе после. А зачем? Мой отказ Хэмилтону, когда я не захотел с тобой возиться, уже ни на что не влиял. Мне тебя всучили, словно сиротку, так к чему ворошить прошлое? Оно закончилось.

Энтони замолчал, а Рене вдруг отчётливо осознала, что никогда не сможет ему объяснить. Их эмоции, отношение к смерти были диаметрально

— И солнце взойдёт. Возрождение —

противоположны, и потому совсем непостижимы для разума друг друга. А значит, он не сможет понять её, тогда как она вряд ли смирится с ним.

— Вскрытие показало, что сердце остановилось сразу после твоего ухода. Пока ты громко хлопал дверьми и укатывал прочь на своей колеснице, у профессора случился кардиогенный шок. — Рене переплела озябшие пальцы и отвернулась. — Не буду скрывать, мне известно о вашей ссоре. Но я тебя не виню. Просто так случилось. Однако все эти месяцы меня разрывало от непонимания: в чём я ошиблась на операции, если заслужила устойчивую репутацию бездарности, и почему твоё мнение было настолько важным для него.

Позади послышались шаги и лёгкий скрип свежего снега. Звук замер за спиной, а потом по парковке разнеслись слова, в которых не чувствовалось сомнений или вранья. Лишь спокойная констатация.

— Ты ни в чём не ошиблась. — Тяжёлые руки легли на плечи, и Рене прикрыла глаза. Но едва не рассмеялась от горечи, когда последовало продолжение: — Я видел, как ты оперируешь. Это было превосходно.

— Что же, этого стоило ждать три месяца, — наконец выдохнула она. — Кто знает, может, ещё через столько же я отыщу ответ и на второй вопрос.

Руки на плечах едва заметно дрогнули, но Энтони ничего не ответил. Разумеется, личные обиды двух хирургов совсем не её ума дело, однако профессор Хэмилтон значил для Рене неизмеримо больше, чем просто наставник. Глупый! Глупый Тони! Ну к чему эта гордость? Что произошло между ним и профессором? Рене поёжилась от того, насколько эта дурацкая ситуация напоминала известную ей

историю. И вот теперь стало уже два таланта, которым чем-то не угодил старый профессор-добряк. Рене мягко высвободилась из объятий Энтони.

— Извини. Думаю, покатаемся как-нибудь в другой раз. — И честно призналась: — Не уверена, что смогу сесть в эту машину. Слишком свежи воспоминания.

— Ты говоришь так, будто я лично переехал на ней Хэмилтона. Причём дважды! — рыкнул Тони.

Обернувшись, она бросила быстрый взгляд на действительно ни в чём не повинное жестяное страшное лицо и скованно улыбнулась.

— Просто у меня много лет не было никого ближе него.

Энтони вдруг как-то напряжённо замер, словно сомневался в её словах, а потом вовсе нахмурился и отступил. Рене же, поколебавшись мгновение, на прощание коснулась его тёплой руки и зашагала в сторону автобусной остановки. Её никто не стал догонять. Да и зачем? Пока разговаривать было не о чем.

Застеклённый каркас остановки встретил наваленными по углам сугробами и скамейкой, до которой долетала редкая снежная крошка. Рене смахнула ее рукавом и тяжело опустилась на ледяной пластик. Разумеется, общественный транспорт уже не ходил, но здесь можно было укрыться от падающего стеной снега и вызвать такси. Поёжившись от зябкой сырости, которая налетала с каждым порывом ветра, Рене поглубже закуталась в толстую куртку.

«Ну и что теперь делать?»

Прикрыв глаза, она сначала упёрлась спиной в холодную стенку, а потом вовсе с ногами забралась на сиденье. Удивительно, но в душе царил покой.

Пока тело потряхивало от пережитых эмоций, холода и усталости, а голова попросту отказывалась думать, сердце билось ровно и уверенно. Оно словно не обратило внимания на свалившиеся откровения, продолжив и дальше разносить по венам влюбленность. Хотя обида осталась. Сидела занозой под ногтем, так что придётся подождать и изрядно помучиться, прежде чем она наконец исчезнет из жизни. Оставался вопрос: будет ли ждать вместе с ней Тони? От мысли, что ему ни к чёрту не нужна обиженная девчонка, с которой придётся возиться, в душе поселилась тоска.

Рене спрятала нос в высоком вороте и зажмурилась. Ей хотелось бы плюнуть на всё, легко оставить в прошлом Чарльза Хэмилтона и Викторию, чтобы с головой нырнуть в то, что, кажется, грозило перерасти в отношения. Однако она не могла. Иначе предала бы память, выбранные однажды цели и собственную натуру, которая не терпела подобной несправедливости и обмана, даже если выяснилось, что это всего лишь недосказанность. Что страшнее: ложь в глаза или умалчивание за спиной? Господи! Слишком сложно, чтобы решать это во втором часу ночи после почти трёх суток без сна. Рене вновь содрогнулась. Пора было выбираться отсюда и ехать домой, но тело слишком околочено. Попытка высунуть из манжета правую руку обернулась резким ознобом, от которого застучали зубы. Чёрт, не заболеть бы перед самыми слушаниями!

Неожиданно тишину нарушила знакомая поступь. Даже снег под ботинками Ланга скрипел как-то иначе, чем у других. Но поднять голову Рене не рискнула. Её отчаянно колотило, и она

старалась сохранить хотя бы какие-то крохи тепла, сжимаясь в ещё более тугой комок. Неожиданно скрежет сменился стуком подошвы о твёрдый асфальт, и поблизости кто-то замер. Рене услышала шорох одежды, когда рядом опустился на корточки Энтони, прежде чем осторожно коснулся затынкой в тонкие джинсы лодыжки.

— *Пойдём,* — произнес он. — *Ты очень устала. Давай я отвезу тебя домой, а завтра мы обо всём поговорим.*

Рене лишь кивнула, поскольку уже, наверное, вся улица слышала дробный перестук её зубов. А в следующий момент плотный кокон, который она являла собой, неожиданно взмыл в воздух. Причём прямо так — со скрещенными ногами и опутавшими их руками, что прятались в натянутых манжетах жёлтого свитера. Вновь захрустел снег, Энтони перехватил поудобнее не самую лёгкую ношу и уверенно зашагал обратно в сторону пустой парковки. Когда он без труда сбегал по ступеням, Рене склонила голову и уткнулась носом в прохладную обнажённую шею. Тоже ведь заболит, глупый!

— *Ты замёрз,* — пробормотала она и стянула аромат мяты, который вынудил что-то внутри сжаться.

— *Мне почти не бывает холодно.*

— *Самый настоящий упырь,* — фыркнула Рене и опять задрожала, отчего её прижали теснее. Скорее интуитивно, чем в попытке согреть. Какое уж тут тепло, когда Тони сам походил на саскачеванский сугроб. Прерывисто втянув воздух, она вдруг пробормотала: — *Зачем ты со мной так?*

Ответ пришёл, когда они уже приблизились к урчащей машине. Ловко извернувшись, Тони открыл дверь и осторожно опустил Рене на сиденье. Пристегнув ремень безопасности, он заглянул в щурящиеся от яркой подсветки салона глаза и коротко вздохнул.

— Так было нужно.

— Но кому?

— Мне.

Поезд в очередной раз трянуло, и Рене испуганно распахнула глаза. Атмосфера в вагоне неуловимо изменилась, и не только потому, что на одной из станций его покинула часть пассажиров. Вдалеке уже виднелся Квебек. Люди потихоньку складывали вещи, доставали с полок свёрнутую тяжёлую одежду, чтобы при первой возможности вырваться из душного вагона навстречу друзьям или родным. Рене же никто не ждал. Энн, у которой она договорилась остановиться, предстояла смена до самого вечера, а больше здесь никого не было. Боже, а ведь если немного подумать, то всё могло сложиться иначе. Совершенно по-другому. На секунду Рене даже поразились, насколько разошлись линии вероятностей из-за выбора лишь одного человека. Сейчас её мог бы встречать профессор, чтобы устроить свои обычные рождественские чаепития вприкуску с новостями науки из Старого Света. В его крохотном кабинете обязательно собрались бы ученики прошлых лет — все, кто сумел приехать. Может быть, даже Колин Энгтан.

Вагон качнулся на стрелке, отчего Рене слегка стукнулась головой о стекло, в которое упиралась, и опять нервно оттянула манжеты руками. Она ничего не понимала, хотя после всех потрясений именно эта новость показалась немного плоской. Пожалуй, даже логичной.

Ведь если так посмотреть, всё выглядело очевидным с начала. Не хватало лишь одного значения, чтобы решить не самое сложное уравнение, однако Рене его прозевала. Кто знает, намеренно не заметила или не захотела даже предположить, что такое возможно.

Молча выйдя из машины, Рене взбежала по шатким ступеням и тихо, но быстро прикрыла за собой дверь. Наверняка Тони хотел что-то сказать. Видя, как потянулась его рука к стиснутым от нескончаемой дрожи коленям, Рене всё же торопливо ступила на подтаявший снег и бросилась прочь. Да, назови она это как-то иначе, чем бегством, нагло солгала бы. Потому что стоило ей оказаться в квартире, закрыла все три замка, прямо на пол скинула куртку и перепачканные грязным снегом ботинки, а потом влетела в комнату, закрыв за собой ещё одну дверь. По пути она случайно зацепилась за свесившийся с дивана плед, тут же запуталась в его длине, споткнулась и рухнула на один из стульев, где и затихла. Рене медленно натянула на плечи колючую ткань, накинула на голову и... спряталась. Завернулась так, словно собиралась прожить в этом убежище не меньше, чем до весны. Из маленького зеркала на столе выглянуло бледное отражение с запавшими глазами и всклокоченными волосами, а голову сдавило знакомой болью. Рене осторожно потянулась в карман за таблетками.

«Ну что, дорогая, допрыгалась? Лишь бы не образовалось новых гематом».

Несколько пилюль судорожно отправились в рот, и Рене проглотила их, даже не удосужившись запить водой. Для этого пришлось бы встать, но она так

боялась лишний раз пошевелиться, что пряталась под колючим пледом и нервно прислушивалась к шорохам сонного дома.

Утро наступило внезапно. За ночь дважды началась метель, и Рене неотрывно следила, как в свете единственного уличного фонаря снег налипал на мутное стекло, пока сон не победил уставший разум. Теперь же в голове плавала ленивая мигрень, скрюченные конечности окончательно затекли, а лоб болел от твёрдой столешницы. И всё равно шевелиться отчаянно не хотелось. Радио включилось несколько минут назад и теперь вместе с OneRepublic уверенно намекало, что кое-кому слишком поздно извиняться. Рене едва слышно фыркнула. В последние месяцы в пластикового приятеля будто вселился один из пророков.

Рене сонно заворчала. Дрожь давно унялась, но слабость по-прежнему была сногшибательной. К тому же в горле мерзко першило, а ещё ломило суставы. Хотелось лечь и проспать сутки кряду, да только вот в полдень предстояло явиться на центральный вокзал, а потом трястись в переполненном поезде. Так что следовало встряхнуться и собрать, наконец, вещи, но вместо этого Рене машинально переплела косички. Одну и вторую. Несмотря на усталость, пряди идеально ложились под ловкими пальцами, как будто она вязала академический узел.

Закончив, Рене на негнущихся ногах сползла с нагесты, наскоро умыла в ванной лицо и почистила зубы, а потом подхватила брошенную куртку и вышла за дверь. Вернуться домой она уже не успеет, но у Энн наверняка найдётся пара лишних кофт. Ей же самой срочно требовалось кое с кем встретиться. И это будет не Энтони, мать его, Ланг! Потому что есть ещё один

человек, который мог рассказать кое-что интересное. Прояснить детали, которые этой ночью так и не сошлись в голове и теперь казались настолько абсурдным, что становилось непонятно, как она не заметила сразу. Ведь стоило лишь хорошенько подумать.

«Слишком поздно для оправданий, поздно...»¹

Когда Рене влетела в двери центрального входа, уже рассвело. Ворвавшись с засыпанной снегом парковки в переполненный холл, она резко закашлялась и остановилась. После морозного воздуха горло противно дрыгало, а нос окончательно перестал дышать. Пришлось открыть рот, отчего опять свело больную гортань. Кажется, она всё-таки заболела. Вот ведь раззява. Рене снова откашлялась в локоть и быстро зашагала вперёд, прокладывая себе тропку между первыми посетителями. Хотелось успеть поговорить до начала рабочей суматохи, и потому она торопилась.

В больницу тем временем пришло Рождество. Повсюду висели праздничные растяжки, с потолка спускались маленькие Санты, а шарики, мишура и искусственный снег облепляли каждый миллиметр длинной информационной стойки. Всё вокруг пестрело, переливалось огнями и радужными отблесками. Узнать кого-то среди этого великолепия можно было, только если прицельно разглядывать лица, которые кутались в шарфы и высокие вороты курток. Так что, похоже, Энтони действительно ждал. Рене не знала, успел ли он навестись к ней домой или обладал даром предвидения, но определённо был

¹ OneRepublic — Apologize.